

А.С. Исаев¹

Соотечественники в Восточной Азии: чтобы понять, надо знать и помнить. Читая Роман Якова Ловича «Шанхайцы»

Желание написать эссе на эту тему возникло давно. И вот недавно появился новый стимул. Я вернулся к самой идее поговорить о проблеме соотечественников, когда прочитал роман Якова Ловича «Шанхайцы», написанный в конце 1940-х гг., который опубликовало издательство «Престиж бук» в 2022 г. [Лович, Т. 1, Т. 2, 2022]. Роман мне очень понравился глубиной понимания описываемых событий, поступков и мотивации особой жизни людей, которые в силу жизненных обстоятельств оказались далеко за пределами своего отечества. Роман этот написан в самом благодарном, вызывающем повышенный интерес у читателей, жанре, который я для себя определяю, как «приключения жизни».

Под псевдонимом Якова Ловича скрылся писатель Яков Львович Дейч, автор нескольких романов о жизни русской эмиграции за рубежом, в том числе в Китае и других странах Восточной Азии [Там же]. Роман «Шанхайцы» отличается подробным описанием жизни и борьбы за свое существование наших соотечественников, покинувших после 1917 г. Россию и обосновавшихся в Китае, сначала на северо-востоке страны, а затем в Шанхае. Оттуда позднее они расселились дальше по всему миру. Это история психологических и интеллектуальных метаний людей, которые так и не смогли смириться с потерей родины и приспособиться к жизни на чужбине. Рассказ о бедах и страданиях, о добывании средств к существованию в условиях, когда жизнь непрерывно создает для тебя череду непреодолимых препятствий и преград, разворачивается на фоне событий Второй мировой войны на Дальнем Востоке после того, как Япония сначала оккупировала Северо-восточный Китай, а затем захватила Шанхай.

В описываемый в романе период в Шанхае проживало около 16 тысяч русских эмигрантов [Аблова, 1999, с. 218]. Для них почти не было работы, катастрофически не хватало жилья. При таких трагических условиях наши соотечественники не перестали помнить и заботиться друг о друге. А самое главное, помнить и любить оставшуюся далеко на севере родину — Россию, которая в этот же период переживала разруху, смерть, голод и собирала силы для изгнания со своей земли фашистских захватчиков. Это трагическая повесть о наших соотечественниках, которые не только продемонстрировали чудеса выживаемости, невероятную верность своим идеалам, но и удивительные таланты и способности приспосабливаться к самым сложным жизненным обстоятельствам, сохраняя при этом верность долгу, православию, отечеству, русскому миру и готовность пойти сно-

¹ Исаев Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: aisaev51@mail.ru

ва их защищать, когда фашистская Германия 22 июня 1941 г. напала на Советскую Россию.

Писатель не был сторонником советской власти, но стремился объективно и обстоятельно показывать, как жизненные трудности не сломили наших людей, живших в Китае, многие из которых впоследствии поверили новой власти и постарались взглянуть на свою многострадальную Родину объективными глазами. Не все проявили твердость духа и воли, приверженность идеалам, некоторые согласились на сотрудничество с японскими оккупантами. К таким относились с презрением и считали позором нации. Показательно, что среди соотечественников были не только русские, но и евреи, украинцы, буряты и прочие представители нашей многонациональной страны, простые крестьяне, купцы, бывшие военнослужащие, учителя и т. д. Лович описывал то, что очень хорошо знал и прочувствовал: в начале 1920-х он эмигрировал в Харбин, а в 1937 г. переехал в Шанхай, где работал в газете «Шанхайская заря» [Кравцов, 2022].

Среди героев этой книги мы встретим «девушек с низкой социальной ответственностью», карточных игроков, журналиста, бывшего белогвардейского офицера, комдива Красной Армии, сбежавшего от преследования ОГПУ. Рядом с мужчинами находятся и поддерживают их в жизни верные жены, которые из последних сил, как и их мужья, стремятся к выживанию и точно так же переживают за свою родину, покинутую ими после революции. В романе нет счастливого конца. Его главные герои нашли способ жить вне своей страны, но Китай так и не стал для них второй родиной. Многие из них впоследствии внесли свою лепту в строительство нового Китая, хотя новые власти, подобно послевоенному руководству Советского Союза, так и не смогли поверить им.

Несколько слов об авторе этого незаурядного произведения. Яков Львович Дейч, который больше известен под псевдонимом Яков Лович, вырос в России. Он родился в семье политических ссыльных впоследствии известного меньшевика Л.Г. Дейча и народницы М.А. Ананьиной 28 декабря 1898 г. и детство провел в каторжном крае под Благовещенском. В 1915 г. окончил благовещенскую мужскую гимназию. Образование продолжил в Московском университете. В 1916 г. будущий писатель был призван действующую армию, прошел обучение в царцынском учебном батальоне, затем — в Третьей московской школе прапорщиков, после чего был направлен на фронт, где, как утверждают сохранившиеся письменные источники, проявил незаурядную храбрость и мужество. Летом 1917 г. в бою под Ригой был контужен в голову, а позже, уже находясь в армии Колчака, в боях с красными получил легкое ранение. До 1920 г. служил следователем при военно-полевом суде, прокурором по политическим и уголовным делам. В 1920 г. переехал в Харбин, где работал в Амурском обществе пароходства и торговли и библиотеке, а затем в газете «Рупор» и литературно-художественном журнале «Рубеж». В 1926 г. изменил свою фамилию на Лович (от отчества Львович).

В 1930-е гг. журнал «Рубеж» регулярно публиковал криминальные рассказы Якова Ловича. Его первые литературные опыты описывали отношения в рамках любовного треугольника, другие любовные перипетии. Постепенно он все чаще и чаще пишет о русских беженцах и эмигрантах — богатых и бедных, грустных и ве-

сельных, объединенных общей судьбой полуотверженных скитальцах, которые оказались далеко от Родины, вдали от родных лесов и берегов, полей и рек. Заметим, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. в Маньчжурии и Харбине проживало 80—100 тысяч выходцев из России [Аблова, С. 218]. Лович написал несколько романов и большое число рассказов и повестей. В 1951 г., после прихода к власти в Китае коммунистов, он переехал в США, где и скончался в 1956 г. от рака легких.

Для рассказов Якова Ловича характерна ярко выраженная авантюрная, детективная интрига, борьба героев в сложнейших условиях изгнания в далекой чужой стране, а их жизнь наполнена каждодневной схваткой за преодоление беззащитности и психологических страданий, нищеты и унижительного положения никчемных и никому не нужных иностранцев.

Именно об этом рассказывает роман «Шанхайцы». Красной нитью по жизни этих людей проходит любовь к вынужденно покинутой стране, к ее народу, готовность сражаться за счастье и справедливую жизнь, к которым стремились многие поколения русских интеллигентов. Жизненные трудности, голод, психологические страдания, болезни постоянно и незаслуженно преследуют их. Несмотря на все это, герои романа не теряют внутреннюю связь с Родиной. Они всегда помнят о ней, сочувствуют людям, оставшимся в красной России. Понятно, что Лович не был поклонником советской власти, но в своем романе он достаточно ярко показал, как трансформировались оценки и отношение эмигрантов к меняющейся России, которая яростно боролась за промышленное развитие, а затем героически противостояла фашистской Германии. Герои книги внимательно следят за событиями в СССР и соперничают с народом, который, испытывая нищету и лишения, с энтузиазмом строил никем не виданное новое будущее всеобщего счастья и равенства. Бывшие враги советской власти, а теперь никому не нужные изгнанники и эмигранты, оставались патриотами своей родины, даже несмотря на то, что родина не торопилась принять их обратно и не всегда была к ним благосклонна.

В России роман был издан фрагментарно лишь в 2000 г. Его появление в полном виде сегодня напоминает нам всем, что наши предки всегда честно, по справедливости, с искренней любовью относились к своей стране и к своему народу. Этот роман напомнил также и о том, что наши люди даже в сложнейших условиях эмигрантского бытия не теряли надежды на лучшее будущее, сохраняли творческие порывы своих сердец, любовь к своим корням. Мне он напомнил и о том, что в условиях старого эмигрантского Харбина сложилась невероятная, загадочная и даже, как считают некоторые литературоведы, мистическая литературная школа, о которой мы сегодня имеем весьма слабое представление.

Уместно в связи с этим напомнить о китайском профессоре из Цицикарского университета Ли Яньлине (李延齡) [Литература русских эмигрантов в Китае, Т. 1], который по крупницам с подросткового возраста, копаясь в мусорках на помойках, собирал рваные обложки и тетрадки поэтических сборников и рассказов, написанных русскими людьми, которые жили и работали на северо-востоке Китая. Именно благодаря подвижничеству этого китайского профессора до нас дошли многочисленные произведения русских эмигрантов. Это он исследовал и скрупулезно собирал газеты журналы, издания и брошюры с литературными

произведениями русских эмигрантов, именно он во время культурной революции сохранил произведения наших соотечественников. В 2005 г. он издал удивительное собрание произведений русских эмигрантов, живших и творивших в изгнании на северо-востоке Китая. Это 10 томов в роскошных переплетах по 500—600 страниц в каждом томе энциклопедического формата [Литература русских эмигрантов в Китае, Т. 1—10]. Китайский энтузиаст нашел спонсоров и переиздал большую часть спасенных им произведений и в переводе на китайском языке в Харбине, назвав это собрание «Рассвет над Сунгари».

Профессор Ли Яньлин подарил 10-томник спасенных им литературных памятников Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. Иначе как подвиг, я не могу оценить деятельность нашего далекого китайского друга. Его работа была замечена в Москве, и в 2006 г. президент России В.В. Путин, находясь с визитом в Китае, торжественно вручил китайскому профессору орден Дружбы народов. «Мне доставляет особое удовольствие, и я считаю большой честью наградить человека, который так преданно относится к своему делу на протяжении всей своей жизни», — сказал В.В. Путин на церемонии вручения ордена¹. Позднее, в 2011 г., Ли Яньлин был избран иностранным членом Российской академии наук. Теперь у нас есть прекрасная возможность изучить поэтическое и прозаическое наследие наших соотечественников, живших в Китае почти 100 лет тому назад.

Хотел бы также заметить: я попытался собрать библиографию исследований литературного наследия российскими синологами и литературоведами. И, к своему стыду, кроме единственной, изданной довольно давно небольшой брошюры С.И. Якимовой «Литература русского зарубежья Дальнего Востока» [Якимова, 2009], нашел лишь несколько статей и монографию, которые написали китайские исследователи Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн [Мяо Хуэй 2015, 2016; Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн, 2019].

Китайские литературоведы склонны рассматривать русскую эмигрантскую литературу в качестве составной части исторического развития собственно китайской литературы. В интернет-базе Института Китая и современной Азии РАН находится хранилище оцифрованных эмигрантских газет и журналов, переданных китайскими партнерами. Это самое настоящее богатство, которое надо тщательно изучать. Причем эта база интересна не только с точки зрения изучения русской эмигрантской журналистики. В ней содержатся уникальные данные по истории русской эмиграции в Китае в целом. Там можно найти и немало информации о литературном творчестве наших соотечественников. Это дает прекрасную возможность представить русским людям настоящую палитру прозаических и поэтических произведений наших соотечественников, которые в сложных условиях вынужденной эмиграции сумели еще раз продемонстрировать творческий потенциал наших людей, таланты, верность любви к своей стране и ее народу. Этого нельзя забывать. Следует тщательно исследовать эту базу, не пропус-

¹ Президент России вручил орден Дружбы профессору университета китайского города Цицикар Ли Яньлину// РИА Новости, 15.10.2004. URL: <https://ria.ru/20041015/707642.html> (дата обращения: 10.06.2023).

кая ни одного имени. Да, русская эмиграция не была идеальной средой. В ней действовали и враги нашей страны, и пособники фашистов и японских оккупантов. За это русских эмигрантов в Китае преследовали и старались предать забвению. Но среди них было немало и тех, кто готов был в любой момент отдать свою жизнь за Россию. И чтобы понять этих людей, надо просто помнить о них.

В связи с этим хотел бы рассказать несколько историй из моей личной жизни в Китае, точнее, в Пекине. Я приехал в Китай в 1994 г. Это было не лучшее время для нашей страны, но уже тогда в российско-китайских отношениях начали зарождаться первые элементы того, что в наши дни эксперты назовут «стратегическим партнерством и всеобъемлющим сотрудничеством». В тот период я уже работал в Посольстве России в Пекине, в мои обязанности входили контакты с китайскими средствами массовой информации и китайскими журналистами. Однажды мне позвонили из протокольного отдела и сообщили, что один китайский тележурналист добивается встречи с пресс-атташе посольства. Свободное время было, и я согласился. Гостем оказался худощавый молодой человек, который представлял телевидение пров. Сычуань, родины архитектора экономических реформ Дэн Сяопина. Парень подарил мне видеокассету и рассказал удивительную историю. В поисках интересных сюжетов его команда вышла на одного русского старика и его жену, которые вот уже многие десятилетия жили в одной из деревень далекой юго-западной провинции КНР. Китайские журналисты общались с ним на китайском языке, поскольку этот уже достаточно старый человек говорил на прекрасном и правильном путунхуа. Просматривая видеокассету, я увидел красивого седого старика с окладистой бородой, в длинной холщовой белой рубашке, подпоясанной простой веревкой, который общался с детьми. Мой молодой китайский гость взахлеб рассказывал о невероятной судьбе этого статного старца, так похожего на Льва Николаевича Толстого на известной классической фотографии. Оказалось, этот старик, бывший казак, служивший у атамана Семенова, вместе с женой эмигрировал из России в 1920-е гг. Какое-то время они жили в северо-восточном Китае. Но по прошествии нескольких лет казачья семья переехала на юго-запад страны, в пров. Сычуань, где они и дожили до начала 1990-х. Русский старик умело пахал землю и выращивал пшеницу и жил на заработанное какое-то время. Потом поменял профессию: учитель местной деревенской школы серьезно заболел и уехал в Чэнду, чтобы подлечиться. Произошло это в начале 1950-х гг., и наш соотечественник решил заняться школой. Для начала он ее отремонтировал за свой счет, а затем стал учительствовать. Русский человек с седой бородой, так похожий на Льва Толстого, учил детей китайских крестьян китайскому языку, а также математике, географии и другим предметам. Я был поражен: русский человек в преклонном возрасте, не имея высшего образования, сумел найти в себе силы и талант, чтобы учительствовать и нести знания детям в отдаленной китайской деревне. История поразила не только меня, но и местное население, когда репортаж об этом человеке был показан по телевидению.

Мой собеседник, пришедший в российское посольство в Пекине, дополнил этот рассказ еще одной историей. Во времена «культурной революции» хунвэйбины преследовали иностранцев, в первую очередь русских, обвиняя их в шпио-

наже в пользу советских ревизионистов, и пытались расправиться над ними. Эта беда не обошла стороной и нашего соотечественника, осевшего в глухой сычуаньской деревне. Но когда хунвэйбины схватили русского учителя, чтобы расправиться с ним, дети сообщили о случившемся своим родителям, и очень быстро школа была окружена крестьянами, которые вооружившись батогами, вилами и граблями, не позволили «красным защитникам» расправиться с учителем. Вся китайская деревня встала на защиту нашего соотечественника. В стране, где по отношению к иностранцам издревле проявлялось недоверие, такой поступок простых людей очень дорогого стоит. У меня скопилось немало подобных историй. Но здесь я расскажу еще лишь об одном эпизоде.

В центре Пекина есть один очень примечательный переулок, он называется Цзиньйу хутун, «Переулок золотой рыбки». С утра и по вечерам, особенно в выходные дни сюда стремятся попасть многие иностранные и китайские туристы. Неподалеку расположены Центральная академия художеств и Музей изобразительных искусств. И здесь же существовало нечто вроде протяженного рынка уличной еды. Примерно к шести вечера сюда стекались многие торговцы уличной едой, привозили на велосипедных платформах компоненты для ее приготовления и огромные чаны с водой, и начиналась готовка еды прямо под открытым небом. Улица мгновенно заполнялась невероятными ароматами и запахами, на велосипедных платформах выставлялись удивительные экзотические блюда, аппетитные десерты, приготовленные прямо на глазах туристов.

Огромные толпы людей бродили вдоль этих прилавков на колесах со спицами. Они пробовали еду, восхищались ее вкусом и удивлялись невероятным способом приготовления из не менее невероятных компонентов. Здесь можно было увидеть барбекю из морских коньков, личинок тутовых шелкопрядов, скорпионов, саранчи, здесь же готовились популярные блюда, в том числе знаменитый ламянь — растянутая лапша.

Как-то мы всей семьей зашли сюда попробовать настоящую острую лапшу по-сычуаньски «даньданьянь». Уличный повар за полминуты приготовил нам ее, выдал палочки и плоски с душистой от специй едой. Мы отошли чуть-чуть в сторонку, ближе к проезжей части улицы, которая также была забита людьми. И тут мы заметили в нескольких шагах от нас двух человек: европейского вида мужчину в сером длинном плаще по моде конца 1950-х гг., в старой, слегка помятой шляпе, и женщину в цветастом платочке с прической кудельками, как любили причесываться в начале 1960-х. Они тоже с аппетитом ели лапшу и о чем-то оживленно разговаривали. Мужчина время от времени бросал взгляды на нашу семью. Проходивший мимо них молодой китаец неловко подтолкнул мужчину. Тот сердито повернулся к нему и сделал замечание, сопроводив его сочными и яркими крепкими выражениями на чистейшем китайском языке. Молодой человек от неожиданности споткнулся и пробормотал извинения, втянул голову в плечи и под смех китайцев постарался затеряться в толпе. Моя жена Людмила, рассмеявшись, повернулась к странной паре, и мы, не сговариваясь, подошли к друг другу. Оказалось, что мужчина и его жена — русские. Они спросили нас по-русски, русские ли мы. Так мы разговорились. Выяснилось, что они родились и выросли в Харбине. Там же мужчина закончил Харбинский политехнический

институт железнодорожного транспорта, а женщина, оказавшаяся его женой, филологический факультет Хэйлунцзянского университета. Поступили на работу. Но после начала в Китае политики «большого скачка» жить стало сложнее, да и бывших русских эмигрантов стали преследовать местные власти. В конечном итоге мужчина и женщина, которые к тому времени поженились, решили покинуть Китай. Сначала они перебрались в Шанхай, а затем в Австралию.

В тот период этим путем из Поднебесной выехали не менее 12 тысяч русских людей¹. Им заново надо было налаживать свою жизнь. Мужчина пошел на работу в крупнейшую австралийскую железнодорожную компанию, где дослужился до заместителя управляющего железной дорогой. А его жена устроилась преподавателем в Университет Канберры, где вела английский язык и английскую литературу!

Вот такими были наши соотечественники! Это их интеллектуальный уровень и профессионализм. А сколько их было еще. Давайте вспомним несколько имен: Василий Васильевич Леонтьев — первый и единственный русский по происхождению ученый, получивший Нобелевскую премию в области экономики (премии по экономике памяти Альфреда Нобеля)², который, кстати, в конце 1920-х гг. несколько лет работал советником министерства железных дорог Китая. В начале 1990-х гг. он несколько раз приезжал на родину, чтобы помочь России провести экономические реформы преодолеть кризис и решить многочисленные проблемы, но его идеи не были востребованы. Вернувшись в США, он заявил репортерам, что российские реформаторы не хотят его слушать. Вспомним и поэта Василия Ерошенко, родившегося на Белгородчине, а потом в силу жизненных обстоятельств оказавшегося в далеком Китае, и несколько лет прожившего в Японии. Сегодня мало кто помнит, что это он первым стал преподавать в Пекинском университете эсперанто³, сам изучил китайский язык, будучи слепым. Мало того, он прославился тем, что писал стихи на японском языке.

Чем больше я размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что мы теряем наши лучшие имена. Таким же примером может стать знаменитый купец и предприниматель Иван Яковлевич Чурин (1834—1895)⁴. Сибиряк из Иркутска, он за 10 лет создал мощную международную торговую империю, с отделениями во всех городах российского Дальнего Востока, северо-восточного Китая, в Японии и в США в Сан-Франциско. И сегодня имя купца Чурина неразрывно связано с современным Харбином. В России эта фамилия известна немногим специалистам, но даже из них лишь единицы могут более или менее подробно рассказать о жизни и деятельности этого замечательного человека, имя которого превратилось в самый настоящий торговый бренд в северо-восточном Китае. Многие ки-

¹ Большая энциклопедия русского народа. Сетевая публикация. URL: <http://www.rusinst.ru> (дата обращения: 10.06.2023)

² Нобелевская премия присуждена Василию Васильевичу Леонтьеву. URL: <https://spbu.ru/history/nobelovskaya-premiya-prisuzhdena-vasiliyu-vasilevichu-leontevu> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Писатель Василий Ерошенко: светлый путь в полной темноте. URL: <https://diletant.media/articles/45278382/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Сибирский купец Иван Чурин. Его забыли на родине, но до сих пор помнят в Китае. И едят его хлеб. URL: <https://dzen.ru/a/YY5MNrch-ARXhbo1> (дата обращения: 29.05.2023).

тайцы, проживающие на северо-востоке страны, назовут такие продукты, как чуринская колбаса, чуринский хлеб, чуринские шоколадные конфеты с ликером и многое другое. Его имя (по-китайски 秋林) сохранено в названиях универмагов в Харбине и некоторых других китайских городах, занимающих исторические здания магазинов Чурина. Более того, китайские предприниматели и сегодня продолжают применять на практике маркетинговые наработки Ивана Чурина, о которых в России многие забыли. Мы уступили этот бренд нашим китайским соседям, но я надеюсь, что они надолго сэберегут это имя. Нам же надо набраться сил и терпения, чтобы рассказать подробно о жизни и деятельности этого удивительно успешного человека. Много ли мы знаем о судьбах советских советников, помогавших создавать после победы революции в 1949 г. индустриально-промышленную базу и социально значимые отрасли — здравоохранение, образование и т. п.? Очень мало. Мы почти ничего не знаем о похороненных в Китае советских летчиках, сражавшихся во время Корейской войны (1950—1953).

Нельзя терять имена. Забывая имена, мы безвозвратно теряем частицу самих себя. Порой мне кажется, что чем дальше уходит время, тем больше мы теряем имен наших знаменитых соотечественников. Я уверен, что сегодня нет более важной задачи, чем попытаться по-новому взглянуть на наших соотечественников, живших в Китае и других странах Азии. У них была нелегкая судьба, многие из них подверглись давлению, имена были преданы забвению, как, впрочем, были искажены и их дела. Им давались несправедливые оценки, значения их работы плохо понимали. Но даже в таких условиях наши соотечественники продолжали любить родину, которая, к сожалению, не всегда отвечала им взаимностью.

Чтобы понимать и оценивать, нужно помнить и знать, а чтобы знать, надо исследовать, собирать крупицы знаний об этих удивительных людях, и только так мы сможем глубоко понять и оценить величие нашего русского народа, наших предков, оказавшихся в непростых жизненных обстоятельствах, а также народов, которые населяют нашу страну.

Библиографический список

Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Минск: БГУ, 1999. 316 с.

Кодзис Б. Литературная жизнь русской эмиграции в Харбине (1917—1945). URL: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-zhizn-russkoj-emigratsii-v-harbine-1917-1945/> (дата обращения: 12.06.2023).

Кравцов А.Н. Мастер короткой прозы Яков Лович. В книге Лович Яков. Шанхайцы. Том 1. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. С. 421—430.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 1. Харбин — мой Оазис. Составитель тома Ли Янлен [Ли Янлин]. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 508 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 10. Сладкое или Горькое. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 708 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 2. Паровозы гудят у Цицикара. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 702 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 3. Соната над Хинганом. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 602 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 4. Заря над Сунгари. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 704 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 5. Волны Хуанпуцзяна Шанхая. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 688 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 6. Тройка, мчащаяся в памяти. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 572 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 8. Я береза России. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 568 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 9. Вялые лепестки розы. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 672 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 7. Волга, текущая в сердце. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 502 с.

Литературное Приамурье. URL: http://priamure.libamur.ru/avtor_priamure/6 (дата обращения: 18.06.2023)

Лович Яков. Шанхайцы. Том 1. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. 432 с. ISBN 978-5-4459-0238-6

Лович Яков. Шанхайцы. Том 2. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. 400 с. ISBN 978-54459-0239-3

Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн. Творческая специфика русской эмигрантской литературы в Китае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12 (7). С. 50—55.

Мяо Хуэй. Традиционная китайская культура в русской эмигрантской литературе в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2016. 194 с.

Мяо Хуэй. Характерные черты литературного творчества русских эмигрантов в Китае. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 8 (58): в 3 ч. Ч. 2.

References

Ablova, N. E. (1999). *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye. (Pervaya polovina KhKh veka)* [History of the CER and Russian emigration in China. (First half of the twentieth century)]. Minsk: BGU, 1999. 316 p. (In Russian).

Kodzis, B. *Literaturnaya zhizn' russkoy emigratsii v Kharbine (1917—1945)* [Literary life of the Russian emigration in Harbin (1917—1945)]. URL: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-zhizn-russkoj-emigratsii-v-harbine-1917-1945/> (accessed: 12.06.2023). (In Russian).

Kravtsov, A.N. (2022). Master korotkoj prozy Yakov Lovich. V knige Lovich Yakov. *Shankhaytsy* [Master of short prose Yakov Lovich. In the book Lovich Yakov. *Shanghaiense*], Vol. 1, M.: Publishing house “Prestige Book”. Pp. 421—430. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 10. Sladkoye ili Gor'koye [Literature of Russian emigrants in China. Volume 10. Sweet or Bitter], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 708 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 8. Ya bereza Rossii [Literature of Russian emigrants in China. Volume 8. I am the birch of Russia], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 568 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 9. Vyalye lepestki rozy [Literature of Russian emigrants in China. Volume 9. Withered rose petals], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 672 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom. 2. Parovozy gudyat u Tsitsikara [Literature of Russian emigrants in China. Volume 2. Steam locomotives hum near Qiqihar], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 702 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 3. Sonata nad Khinganom [Literature of Russian emigrants in China. Volume 3. Sonata over Khingan], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 602 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 4. Zarya nad Sungari [Literature of Russian emigrants in China. Volume 4. Dawn over the Sungari], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 704 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 5. Volny Khuangpuzyana Shankhaya [Literature of Russian emigrants in China. Volume 5. Waves of Huangpujiang Shanghai], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 688 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 6. Troyka, mchashchayasya v pamyati. [Literature of Russian emigrants in China. Volume 6. Troika, racing in memory], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 572 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 1. Kharbin — moy Oasis [Literature of Russian emigrants in China. Volume 1. Harbin is my Oasis]. Compiled by Li Yanlen [Li Yanlin], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 508 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 7. Volga, tekushchaya v serdtse. Literature of Russian emigrants in China. Volume 7. Volga flowing in the heart], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 502 p. (In Russian).

Literaturnoye Priamur'ye [Literary Amur Region]. URL: http://priamure.libamur.ru/avtor_priamure/6 (accessed: 18.06.2023). (In Russian).

Lovich, Yakov. (2022). Shankhaytsy [Shanghai], Vol. 1. M.: Publishing house "Prestige Book". 432 p. (In Russian). ISBN 978-5-4459-0238-6

Lovich, Yakov. (2022). Shankhaytsy [Shanghai], Vol. 2. M.: Publishing house "Prestige Book". 400 p. (In Russian). ISBN 978-54459-0239-3

Miao, Hui. (2015). Kharakternyye cherty literaturnogo tvorchestva russkikh emigrantov v Kitaye [Characteristic features of the literary creativity of Russian emigrants in China]. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 8 (58): in 3 vol. Vol. 2. (In Russian).

Miao, Hui. (2016). Traditsionnaya kitayskaya kul'tura v russkoy emigrantskoy literature v Kitaye [Traditional Chinese culture in Russian emigrant literature in China], Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House. 194 p. (In Russian).

Miao, Hui, Wang, Zhongsheng. (2019). Tvorcheskaya spetsifika russkoy emigrantskoy literatury v Kitaye [Creative specificity of Russian emigrant literature in China]. Philological sciences. Questions of theory and practice, No. 12 (7). Pp. 50—55. (In Russian).

Приложение

Шанхайцы¹ От автора

Этот роман мною задуман, написан и почти закончен в период японского владычества в Шанхае. И в этот период самым трагическим для меня был момент, когда ко мне пришел агент японской контрразведки (он так и отрекомендовался и показал соответствующую карточку). В те мрачные времена (1944) такой визит мне показался многообещающим: кроме романа, который японской

¹ Печатается по: URL: <https://www.livelib.ru/book/1005466120-shanhajtsy-yakov-lovich> (дата обращения: 18.09.2023).

контрразведке понравиться не мог, у меня, в скромной комнате российского эмигранта, были еще спрятаны документы одного американского банка, которые русский служащий этого банка доверил мне, т. к. война на Тихом океане разразилась внезапно и какие-то документы (запечатанные) нужно было спрятать. Японец-контрразведчик сидел на том диване, в котором лежали мой роман и американские документы. Но, благодарение богу, японская контрразведка была ребенком по сравнению хотя бы с ГПУ. Японец выкурил десять сигарет, которыми я его угостил, убедился, что я правоверный эмигрант, и мирно удалился. И роман, и документы, и я — остались целы. Теперь я этот роман предлагаю вниманию читателей. Не мудрствуя лукаво, ничуть не поэтизируя родную мне эмиграцию, я пытаюсь изобразить жизнь русских людей, заброшенных нашей «Великой, бескровной» в далекий и чуждый Шанхай. Я изображаю то, что видел в период между 1937—49 гг., то есть до «великого исхода» эмиграции из этого города. Я надеюсь, что каждый русский шанхаец, читая роман, снова переживет то, что переживал когда-то. Но и не шанхаец, а всякий русский человек, проживший какое-то время вне своей родины, вероятно, найдет в романе то, что он переживал и перечувствовал, где бы он ни жил за последние десять—пятнадцать лет. Может быть, и для американцев роман будет интересен, ибо он, возможно, ответит на вопросы: да кто мы такие, эти русские эмигранты, эти самые ДиПи, что мы пережили, почему не признаем коммунизма, почему мы так стремились в свободную Америку и почему так счастливы, что попали сюда. Я не скрывал всех наших ошибок, наших ссор, наших сомнений. Мои персонажи — не герои, они обыкновенные люди, но это те самые десятки тысяч русских людей, которые приехали в Северную и Южную Америку. Я старался взять их фотографически из жизни: в моем романе выдуманных фактов нет — все это взято из шанхайской жизни, а почти всех действующих лиц я знал лично.

Я. Лович

Поступила в редакцию: 29.08.2023. Received: 29 August 2023.

Принята к публикации: 05.10.2023. Accepted: 5 October 2023.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru**